

Т. Ю. Тимонина

**СИНАВГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А. МЁРДОК
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНОВ «СОН БРУНО» И «ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ»)**

На основе историко-культурологического и сравнительно-сопоставительного методов литературоведческого анализа двух романов показывается роль синавгической мотивики в творчестве Мёрдок. Синавгия представляет собой платоническую концепцию зрения как «со-очия», наложения субъективного и объективного типов света. Именно эта концепция во многом задает световую образность в романах Мёрдок.

Using the historical-cultural and comparative methods in the literary analysis of two novels, this article describes the role of synauegia motifs in Murdoch's works. Synauegia is Plato's concept of vision as a combination of the subjective and objective types of light. To a large degree, the light imagery of Murdoch's novel is based on this concept.

Ключевые слова: Мёрдок, роман, мотив, платонизм, концепция синавгии.

Key words: Murdoch, novel, motif, Platonism, synauegia concept.

Не подлежит сомнению, что особое место в профессиональной и творческой деятельности Айрис Мёрдок занимала философия Платона. Мёрдок является автором нескольких философских статей, посвященных анализу платонического учения. Среди них такие труды, как «Суверенность Блага» («The Sovereignty of Good», 1970), «Огонь и солнце» («The Fire and the Sun», 1977), а также пьеса «Акаст: два платониче-

ских диалога» («Acastos: Two Platonic Dialogues», 1986). Влияния платоновской философии не избежало и художественное творчество Мёрдок, в котором критики даже выделяют целый «платонический» этап — см., например [2; 7]. К нему относят главным образом романы конца 1960-х — начала 1970-х годов, в том числе «Сон Бруно» (1969) и «Черный принц» (1973), в которых философская система Платона стала в том числе основанием философской мотивики, нашедшей свое отражение как в системе художественных образов, так и в композиции. Важнейшее место в этой мотивике, по нашему мнению, принадлежит платонической идее света.

Ведущие идейные линии, прослеживаемые нами в творчестве Мёрдок, такие как соотношение объективного и субъективного аспектов, проблема истинного и иллюзорного в жизни и искусстве и, в особенности, проблема невидимого излучения (умозрительного света), как показывает «большое время культуры» (М. М. Бахтин), всегда играли и продолжают играть важнейшую роль в духовной истории человечества. Свидетельством этому выступают различные философии света и герменевтики света, берущие начало еще в Античности (теория синавгии Платона, световые герменевтики схоластов и ренессансных авторов и др.), которые в то же время тесно сопряжены с физикой видимого света. Последнее особенно актуально на фоне общей естественно-научной парадигмы, доминирующей в современной культуре, и поэтому должно представлять особый интерес для современных «наук о духе» (В. Дильтей). В связи с вышесказанным нам представляется актуальным обращение к световой проблематике в произведениях Мёрдок, в частности к мотивике света.

В своем понимании мотива мы отталкиваемся прежде всего от традиции, восходящей к А. Н. Веселовскому, согласно которому мотив — «простейшая повествовательная единица» [1, с. 305], характеризующаяся «образным одночленным схематизмом» [1, с. 301], мельчайший элемент сюжета. В романах Мёрдок синавгические и другие платонические мотивы переплетаются с экзистенциалистскими, шекспировскими (например, мотив Гамлета) и многими другими, занимая при этом особое место в общей сюжетной канве романов.

Основные положения платонической концепции света, иначе — концепции синавгии (греч. συνδυία — «со-светие», «со-очие»), раскрываются философом в диалогах «Государство», «Тимей», «Менон», «Тетет» и др. Поскольку ранее мы уже касались некоторых теоретических аспектов данной концепции [10, с. 123], повторим только, что она представляет собой особую теорию зрения как наложения трех типов света — субъективного, заключенного в глазах человека, объективного, исходящего, или, говоря языком Платона, «изливающегося» [9, с. 486] от окружающих нас предметов, и солнечного света, который соприроден тому свету, что находится в нас. Наиболее важным в данной концепции зрения, по нашему мнению, является роль солнечного света, без которого, согласно Платону, огонь, обитающий внутри нас, отсекается и гаснет, и человек утрачивает способность к зрению.

Как отмечает А. Ф. Лосев, данная концепция Платона символична [3]. Свет для философа «драгоценен» [8, с. 315] и божественен, солнце он называет «небесным богом» [8, с. 315], а глаза — орудием «промыслительной способности души» [9, с. 485]. Суть синавгии заключается в тайне умозрительного соединения двух типов света. Синавгический мотив — это мотив встречи двух электромагнитных потоков (Платон прямо говорит о «гладких и плотных частицах» [9, с. 486], «изливающихся через глаза» [9, с. 486]), — субъективного света и объективного света (света Другого)). В контексте романов Мёрдок мотив «со-очия» связан прежде всего с проблемой задавания ложной либо истинной предметности. В данной связи по-новому раскрывается образ черного принца из одноименного романа, в котором заложена гамлетовская идея ложного видения. Главный герой романа Брэдли Пирсон «незорок» по отношению к другим людям. К примеру, бывшая жена Брэдли Кристиан предстает в его глазах губительницей, ведьмой, жутким демоном-разрушителем, которому присущи лишь «злые намерения» [6, с. 290] и цель жизни которого — вечная охота на Брэдли: «I saw Christianas a witch in my life, and a low demon» [12, p. 125].

В «Суверенности Блага» Мёрдок пишет: «Благо — это центр притяжения, к которому по природе стремится любовь. Ложная любовь движется к ложному благу. Ложная любовь избирает ложную смерть» [5, с. 136]. «Ложную любовь» Мёрдок следует понимать как любовь к собственной самости, иначе — любовь эгоистическую, или себялюбивую, в своей гордыне отрицающую реальность и значимость Другого. С темой ложной любви связана тема ложного («темного») видения, задающего ложную реальность и препятствующего проникновению в истинную суть вещей. Одному из героев романа «Сон Бруно» принадлежат следующие слова: «Едва ли люди думают друг о друге. Они созерцают в уме плод своего воображения, имеющий сходство с тем, о ком они якобы думают, и обряжают его себе на потребу. Майлз не может думать о вас. Майлз думает о Майлзе» [4, с. 285]. Согласно Платону, все, что окружает нас, есть не что иное, как иллюзия, порождаемая нашим субъективным восприятием, тени идей. Как пишет Мёрдок, «наше Я, которым поглощена наша жизнь, — это пространство, в котором господствует иллюзия. Доброта связана с попыткой увидеть нечто за пределами Я (unself), увидеть реальный мир и ответствовать ему в свете добродетельного сознания [5, с. 129]».

В этом отношении существенную роль у Мёрдок играет платонический мотив отсеченности от божественного света, о котором мы упоминали ранее [10, с. 123—124]. Кроме того, ложное видение, характеризующее внутреннее состояние того или иного героя, передается в романах Мёрдок через физические дефекты зрения, например через зрительные иллюзии. Так, в «Черном принце» особую роль играет мотив необычного, странного (часто — искусственного) освещения, которое меняет впечатление от реальности. Платонический мотив естественно vs. искусственного света также играет у Мёрдок важную роль. В силу ограниченного объема данной статьи у нас нет возможности подробно остановиться на всех случаях зрительных иллюзий, встречаемых в текстах Мёрдок. Приведем только несколько примеров.

Так, глубинным символическим смыслом наполнен яркий эпизод погони за воздушным шариком, веревочку которого демонстративно перерезает Джулиан на глазах у Брэдли: «It was not an ordinary kite, but a sort of magical kite. The string was invisible. <...> The curious light made the globe seem to glow with a sort of milky alabaster radiance» [12, p. 121]. Символика воздушного шарика, или воздушного змея, снова отсылает нас к Платону. Брэдли сразу указывает на его необычность, волшебность. Этот воздушный змей поразительно огромен, имеет шарообразную форму и, кроме того, светится молочно-белым светом, напоминая идеальное сферическое тело античного космоса, наделенного разумом и душой. Брэдли называет его «удивительным странником» [6, с. 186] («strange wanderer» [12, p. 123]), «невидимым провозвестником властной, еще не разгаданной судьбы» [6, с. 186] («the bearer of some potentas yet unfathomed destiny» [12, p. 123]), «блуждающим знамением» [6, с. 187] («traveling portent» [12, p. 124]), предназначенным специально для него.

Похожий образ возникает и в романе «Сон Бруно» — в сцене, описывающей мистический опыт одного из главных героев, загадочного Найджела Боуза: «It is dark in the room. The door is locked. <...> Deep somewhere in the darkness a single candle is burning. <...> The brown walls fold away into receding arcs about the glimmering sphere where Nigel turns and turns, thin as a needle, thin as a straight line, narrow as a slitlet through which a steely blinding light attempts to issue forth into the fuzzy world. Concentric universe» [11]. Не оставляет сомнения наполненность данного эпизода «пещерной» образностью. Идея противопоставления естественного и искусственного света объективируется в образах «одинокой свечи» [4, с. 36] («single candle») и «ослепительного света» [4, с. 36] солнца. При этом образ Найджела недвусмысленно отсылает нас к шекспировскому Гамлету: «В черной рубашке, в черном трико, раскинув руки, кружит по комнате Найджел» [4, с. 36], Найджел «с длинными черными волосами» [4, с. 39], Найджел «прямой, как игла, узкий, как щель» [4, с. 36]. Далее в тексте «Сна Бруно» читаем: «The candle has grown into a huge luminous cylinder. <...> It glows palely from within and impulsates and breathes. <...> Darkness upon darkness moving, awareness slides from being. <...> An eye regards an eye and there is light» [11]. Описывается рождение индивидуального сознания из первозданной сферы бытия. Снова возникает образ шарообразного светящегося живого космоса. Причем, согласно этому описанию, «на мрак надвигается мрак» [4, с. 37]. Рождение же света не оставляет сомнения в его синавгической природе: «глаз всматривается в глаз — и возникает свет» [4, с. 37].

Согласно идее Платона силой, способной превозмочь темноту пещеры и вывести узника на свет, к миру чистых эйдосов, является Эрот — истинная калокагатическая Любовь к Другому. Тема любви занимает в творчестве Мёрдок центральное место. Как пишет И. Н. Мизинина, «в “платонических” романах Мердок возникает понятие “праздника любви”, под которым писательница подразумевает момент расцвета истинной любви, творящей Хорошего Человека» [7]. Любовь к юной Джулиан Баффин, так внезапно появляющаяся в жизни Брэдли, преворачи-

вает его видение мира и себя самого: «The person that I was then seems captive and blind» [12, p. 191]. Брэдли не только признает свою былую слепоту. В отъединенной субъективности, в закрытости одинокого «Я» от внешнего мира Брэдли теперь узнает несвободу. Пещера есть тюрьма души — к такому выводу приходит герой. Любовь заставляет «черного принца» прозреть, и теперь его обновленному, ясному зрению открывается мир реальный: «Until that moment I could not see her, — признается Брэдли, говоря о своей возлюбленной. — And I have tried, as an honest narrator, to reveal her so far only dimly, through the casual blinded consciousness of the person that I was. Now I could see. Can any lover doubt that now he sees truly?» [12, p. 207].

В романе «Сон Бруно» тема ложного видения и духовного просветления раскрывается как тема земной, или чисто эротической, и небесной, истинной, любви, иначе — любви к хорошему и любви к благову. Данное противопоставление двух видов любви хрестоматийно для Мёрдок — вспомним, например, заголовки ее романов: «The Nice and the Good», «Secret and Profane Love Machine». В «Сне Бруно» любовь к благову объективирована в образах таинственных, недосыгаемых, мудрых женщин — Парвати, Гвен, а также Лизы, воплощающей в себе образы двух последних. Влюбленный в Лизу Денби открывает в себе ту сияющую крупичку, которая способна преобразить все его бытие: «In spite of his casual mode of being and his bad behaviour to Adelaide... he had found something in the world, some little grain of understanding which that glimpse of Lisa had made suddenly luminous and alive» [11]. Важнейшую роль здесь играет классический, древний и вместе с тем таинственный мотив любви с первого взгляда («glimpse of Lisa» [11]). Неспроста, по сюжету романа, Денби влюбляется в Лизу всего после нескольких мимолетных встреч, даже ни разу не видя ее без верхней одежды. Один только взгляд Лизы позволил герою преобразиться, увидеть свет истины, одним своим взглядом она оживила в нем «драгоценную» [4, с. 292] часть его души.

Таким образом, как было показано, световая мотивика в романах Мёрдок обусловлена положениями философской концепции света Платона. Мотивы ложного видения, иллюзорности бытия, а также духовного просветления и добродетельного сознания у Мёрдок напрямую связаны с синавгическим аспектом. Переключаясь с механизмом воспоминания, описываемым Платоном в его концепции познания, поводом для духовного преображения у Мёрдок становится эротический анамнесис, сопряженный в том числе с тайной взаимосвязи любовной и творческой энергий. Как пишет Мёрдок, «любовь является источником наших величайших ошибок, но вместе с тем даже не вполне чистая любовь дает душе энергию и страсть для поисков Блага; это сила, соединяющая нас с Благом, а через него — с миром. Само ее существование... это отражение тепла и света солнца» [5, с. 136].

Список литературы

1. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М., 1989.
2. Ивашева В. В. От Сартра к Платону // Вопросы лит. 1969. №11. С. 134–155.

3. Лосев А. Ф. Высокая классика (Платон), или эстетика объективно-идеалистическая // Лосев А. Ф. История античной эстетики. М., 1969. URL: <http://www.philosophy.ru/library/losef/iae2/index.htm> (дата обращения: 10.04.2015).

4. Мёрдок А. Сон Бруно. М., 2008.

5. Мёрдок А. Суверенность Блага // Логос. 2008. №1. С.117–137. URL: <http://www.hse.ru/data/811/533/1238/Мёрдок.pdf> (дата обращения: 11.04.2015).

6. Мёрдок А. Черный принц. М. ; СПб., 2009.

7. Мизинина И. Н. Романы А. Мёрдок конца 60-х – начала 70-х гг.: Идеи философии Платона в зеркале художественной структуры : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.

8. Платон. Государство // Платон. Диалоги. Книга вторая. М., 2008. С. 89–455.

9. Платон. Тимей // Платон. Диалоги. Книга вторая. М., 2008. С. 455–543.

10. Тимонина Т. Ю. Хронотоп пещеры в романе А. Мёрдок «Черный принц» // Сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. ЕНО. М., 2015. №3. С. 122–126.

11. Murdoch I. Bruno's Dream. L., 2010. URL: <http://bookos.org> (дата обращения: 11.04.2015).

12. Murdoch I. The Black Prince. L., 2006.

Об авторе

Татьяна Юрьевна Тимонина – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: tatjana.timonina@mail.ru

About the author

Tatyana Timonina, PhD student, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: tatjana.timonina@mail.ru